БИБЛІОТЕКА ЗЕЛЕНОЙ ПАЛОЧКИ

Гр. Алексѣй Н. Толстой

Необыкновенное приключенiе

ПАРИЖЪ
1921

БИБЛIОТЕКА ЗЕЛЕНОЙ ПАЛОЧКИ

Гр. Алексѣй Н. Толстой

Необыкновенное приключенiе

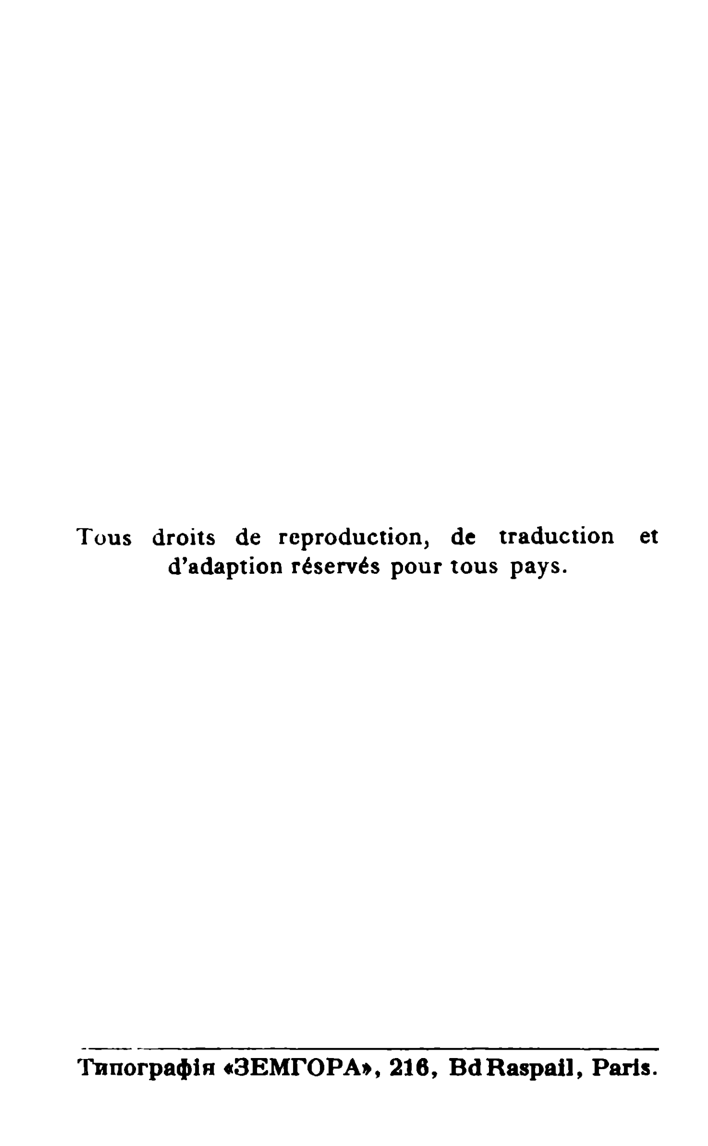

ПАРИЖЪ

1921

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НИКИТЫ РОЩИНА.

РОМАНЪ.

Типографія «ЗЕМГОРА», 216, Bd Raspail, Paris.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Моему сыну, Никитѣ, четыре года, у него — свѣтлые, какъ ленъ, волосы и темные глаза. Онъ бы совсѣмъ походилъ на рафаэлевскаго ангела, если бы не пристрастіе рисовать карандашемъ на стѣнахъ.

Когда я задумалъ писать эту исторію, я купилъ стопу бумаги и бутылку чернилъ. Никита, увидѣвъ на столѣ такое большое количество бумаги и чернилъ, спросилъ меня, что я намѣренъ съ ними дѣлать? Я отвѣтилъ, что думаю написать романъ изъ жизни одного мальчика, который совсѣмъ не былъ виноватъ въ томъ, что съ нимъ произошло. Никита взглянулъ на меня строгими глазами и сказалъ:

— Послушайте, послушайте (у него есть привычка по два раза повторять нѣкоторыя слова), это же въ самомъ дѣлѣ глупо, — вы мнѣ не позволяете рисовать на стѣнѣ, а сами хотите

испортить столько хорошей бумаги. Отдайте мнѣ бумагу, а сами пишите, пишите, пишите коротенькую исторію.

Я еще разъ взглянулъ въ его честные глаза, отдалъ ему почти всю бумагу, и вотъ — передъ вами самый маленькій изъ романовъ, какой только былъ написанъ.

ПРОЛОГЪ.

Въ просторной, свѣтлой комнатѣ у письменнаго стола сидѣлъ человѣкъ съ чудесной бородой, расчесанной на двѣ стороны. Ногтемъ мизинца онъ старательно отбиралъ на листѣ бумаги зерна пшеницы отъ зернышекъ сорныхъ травъ. Глазъ его былъ сощуренъ, потому что въ углу рта его торчалъ камышевый мундштукъ съ дымящейся толстой папиросой.

Второй человѣкъ, очень маленькаго роста, лежалъ на животѣ на полу и глядѣлъ подъ буфетный шкафъ. А изъ подъ шкафа глядѣло на него, въ свою очередь, блестящими, черными глазками поросячье рыльцо стараго, умнаго ежа. Человѣкъ у стола сказалъ, не оборачиваясь:

— Привяжи на нитку кусочекъ сала, положи ему подъ носъ и потихоньку тяни, — онъ вылѣзетъ.

— Я лучше привяжу кусокъ сахару, — отвѣтилъ мальчикъ.

Этотъ мальчикъ, лежавшій на полу, и былъ Никита Рощинъ; бородатый человѣкъ у стола — его отецъ, Алексѣй Алексѣевичъ Рощинъ, а ежъ подъ буфетнымъ шкафомъ былъ дикимъ и упрямымъ животнымъ, не желавшимъ ни подъ ка-

кимъ видомъ вылѣзать изъ подъ буфета, иначе, какъ ночью, когда онъ, стуча ногтями, бѣгалъ по комнатамъ и пофыркивалъ носомъ въ мышиныя норы.

Никита привязалъ на нитку кусокъ сахару, но ежъ не вылѣзъ, затѣмъ Никита привязалъ кусочекъ сала, но ежъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти уловки. Онъ такъ и не вылѣзъ изъ подъ буфетнаго шкафа.

Ежъ не вылѣзъ ни на слѣдующій, ни еще черезъ день. На усадьбѣ Сосновка, въ старомъ домѣ, стоявшемъ среди темнаго сада, кромѣ непріятности съ ежомъ ничего особенно важнаго не случилось за все лѣто. Въ саду свистали зеленыя иволги, подъ деревьями бѣгали озабоченные скворцы, утромъ въ осыпанныхъ росою листьяхъ медвянымъ голосомъ ворковалъ дикій голубь, на вечерней зарѣ въ пруду подъ ветлами плескалась рыба, и такъ ухали, охали и стонали лягушки, что казалось, будто въ пруду случилось большое горе.

И горе, дѣйствительно, случилось, но не съ обитателями пруда, а съ Никитой: осенью отецъ объявилъ ему, что переѣзжаетъ въ Москву, въ домъ къ теткѣ, къ той самой теткѣ, которая ходитъ въ мужской шляпѣ и не даетъ никому спуску. Никита будетъ отданъ въ школу, потому что ему уже девять лѣтъ, и пора подумать о болѣе серьезныхъ вещахъ, чѣмъ ежи и лягушки.

Прости, прости, счастливое дѣтство.

БОЛЬШІЯ НЕПРІЯТНОСТИ.

Я не стану упоминать о всѣхъ непріятностяхъ, которыми, отнынѣ,была наполнена жизнь Никиты Рощина, — упомяну лишь о существенныхъ. Тетка, не дававшая никому спуску, Варвара Африкановна, заставляла Никиту мыться ежедневно съ ногъ до головы, стричь ногти, чистить платье, цѣлый часъ молча сидѣть за завтракомъ и за обѣдомъ. Кромѣ того, за окнами лилъ мелкій дождь, громыхали телѣги, и брызгали грязью экипажи съ поднятыми верхами. Въ домѣ было темновато, пустынно и все стояло на своемъ мѣстѣ, и въ любой часъ, всюду, появлялась Варвара Африкановна и не давала спуску.

Никита изучалъ семь наукъ и, кромѣ того,русскую грамматику, замѣчательную тѣмъ, что въ ней все состояло изъ исключеній, всѣ глаголы были неправильные, а спряженія, наклоненія, роды и виды этихъ сумасшедшихъ глаголовъ закручивались въ такую темную пучину, что въ ней съ головой тонула даже тетушка, когда къ ней обращались за помощью.

Никитѣ было запрещено свистать въ согнутый палецъ, стрѣлять изъ стеклянной трубочки

жеваной бумагой въ стараго теткинаго кота, который при этомъ, лежа на своемъ мѣстѣ, на диванѣ, обиженно мигалъ ушами, запрещено было приносить съ улицы всевозможныхъ животныхъ, запрещено съ разбѣга кататься на подошвахъ, по паркету въ залѣ, — словомъ, подъ давленіемъ всѣхъ непріятностей, Никита сталъ обдумывать планъ побѣга изъ дома и соединенія съ однимъ изъ кочующихъ племенъ.

Но этому плану помѣшала революція.

РЕВОЛЮЦІЯ.

Революція началась въ тотъ день, когда за завтракомъ была подана вареная свинина, которую не бралъ ножикъ. Вмѣсто сладкаго подали такую удивительную, безъ сахара, рисовую кашу, что ее нельзя было стащить съ ложки, когда же ее спихивали вилкой, она прилипала и къ вилкѣ. Тетушка сказала отцу:

— Можешь радоваться, Алексѣй, на твою революцію, — кушай на здоровье это собачье мѣсиво.

Варвара Африкановна поднялась, затрясла подбородкомъ, взглянула въ упоръ лакею Петру въ лобъ, смѣрила взглядомъ всѣ его два аршина двѣнадцать вершковъ роста, послѣ чего Петръ долженъ былъ, какъ понималъ это Никита, уменьшиться, сморщиться и, къ удивленію и радости всѣхъ домашнихъ, исчезнуть такъ, чтобы не осталось мокраго мѣста, но этого не случилось, и Петръ даже усмѣхнулся, правда очень глупо, — у тетушки задрожали лиловыя губы и она выплыла изъ комнаты. Отецъ остался сидѣть у стола, захватывая горстью бороду и кусая ее, — глаза его блестѣли.

Слѣдующимъ шагомъ революціи было появленіе въ городѣ необыкновеннаго количества мальчишекъ, которые пронзительно свистали въ согнутый палецъ. Когда взрослые огромными толпами, съ флагами и надписями, двигались посреди улицъ, мальчишки эти, чтобы увеличить общій безпорядокъ, залѣзали на крыши и фонари, свистѣли оттуда и всѣмъ кричали, — «Долой»! Когда же взрослые начали, днемъ и ночью, разговаривать, собираясь кучами на перекресткахъ и подъ памятниками, мальчишкамъ запрещено было свистать, — ихъ щелкали по затылкамъ и вытаскивали за уши изъ толпы. Но, зато, никто уже теперь не могъ запрещать висѣть сзади на трамваяхъ, прицѣпляться къ автомобилямъ и извозчикамъ, лазить на всѣ башни и колокольни, сиживать верхомъ на пушкахъ въ Кремлѣ и купаться въ Москва-рѣкѣ прямо съ набережныхъ.

Отъ этой непрерывной дѣятельности мальчишки за лѣто пообносились и одичали. Варвара Африкановна уже болѣе не пыталась не давать Никитѣ спуску, она только говорила, что все записываетъ въ своемъ сердцѣ, и за все сразу, когда придетъ время, дастъ спускъ.

Отецъ носилъ бороду теперь прямо, клиномъ, напередъ, пріѣзжалъ домой худой и веселый и шумно разговаривалъ.

Но, всему бываетъ конецъ. Осенью взрослые,

выяснивъ на перекресткахъ всѣ вопросы, начали — одни стрѣлять изъ винтовокъ и пулеметовъ вдоль улицъ, другіе — заваливать окна въ домахъ тюфяками и книгами. Мальчишки, по причинѣ изношенной одежды и худыхъ башмаковъ, тоже попрятались по домамъ. Было холодно, неуютно и скучно.

Вотъ тутъ то Варвара Африкановна отъ всего записаннаго у нея на сердцѣ и сказала отцу:

— Ты не слушалъ меня, Алексѣй, во-время, — теперь поди, кусай себѣ локоть.

Никита пошелъ за отцомъ посмотрѣть, какъ онъ будетъ кусать локоть, но отецъ, вмѣсто этого, намылилъ себѣ щеки и сбрилъ бороду. Это было самое страшное, что видѣлъ Никита за все время революціи: у отца оказались безъ причины усмѣхающіяся губы и не серьезный, маленькій подбородокъ. Съ этого дня между Никитой и отцомъ установились болѣе взрослыя отношенія: отецъ сталъ точно помоложе, Никита — постарше.

На слѣдующій вечеръ Никита и Алексѣй Алексѣевичъ, спрятавшій лицо въ воротникъ, ѣхали на извозчикѣ на вокзалъ. На колѣняхъ у отца лежалъ маленькій чемоданъ, — все ихъ имущество. Такъ они бѣжали изъ Москвы на югъ.

НОВЫЙ ДРУГЪ.

Ѣхать было не совсѣмъ удобно, но весело. Въ купэ вагона, кромѣ отца, сидѣло еще пятнадцать бородатыхъ мужиковъ съ винтовками, — возвращались съ фронта по домамъ. У одного, рыжаго, лежалъ на колѣняхъ небольшой пулеметъ:

— Я его на огородѣ поставлю, — говорилъ рыжій, — я эту штуковину давно собирался завести.

Никита помѣщался на верху, въ сѣткѣ изъ подъ чемодановъ. Мужики кормили его солдатскими сухарями; одинъ, всю дорогу пѣвшій тонкимъ голосомъ: «Ночка темная, боюся. Проводи меня, Маруся», — до того зажалѣлъ Никиту наверху, въ сѣткѣ. что подарилъ ему ручную гранату:

— Съ ней нужно аккуратно обращаться, не дай Господи лопнетъ, ни чего отъ тебя, мальчуганъ, не останется.

Другой солдатъ, лысый, съ бородой, точно запутанной домовымъ въ косицы, говорилъ Никитѣ:

— Ты его не слушай, поѣдемъ лучше ко мнѣ,

я тебя на пчельникъ пристрою, — мнѣ грамотный мальчишка страсть какъ нуженъ.

Дорога была долгая. Въ вагонѣ — духота,— ни лечь, ни пройти. Мужики стали другъ къ другу придираться. Рыжаго съ пулеметомъ выбили, наконецъ, изъ купэ, — занималъ много мѣста. Потомъ начали придираться и къ Алексѣю Алексѣевичу, — кто онъ такой, а можетъ быть онъ злодѣй? Къ удивленію Никиты, отецъ началъ, вдругъ, такъ лгать, что мужики только рты разинули.

Въ концѣ пути въ вагонѣ стало попросторнѣе, можно было выходить въ коридоръ, и тамъ то Никита и встрѣтилъ будущаго своего друга, Ваську Тыркина.

Этотъ замѣчательный мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, спалъ въ коридорѣ, прямо на полу, засунувъ голову въ жестяное ведро, для того, чтобы проходящіе не наступали ему на щеки.

Одѣтъ онъ былъ въ солдатскую шинель, съ подвернутыми рукавами, и весь, — крестъ на крестъ, — и поперекъ туловища, — обмотанъ пулеметными лентами. Къ поясу у него были привязаны ручныя гранаты, обвязанныя тряпицами, подъ рукою лежала винтовка съ примкнутымъ штыкомъ. Кромѣ того,на немъ были огромные, рваные сапоги и шпоры на цѣпочкахъ.

Никита съ уваженіемъ разглядывалъ столь сильно вооруженнаго мальчика, — не удержал-

ся и потрогалъ колесики на шпорахъ. Тогда мальчикъ вытащилъ голову изъ ведра, взялся за гранаты, поддерживая ихъ, съ громомъ и звономъ, сѣлъ на полу, зѣвнулъ и сказалъ Никитѣ лѣниво:

— Вотъ я тебя выкину въ окошко, — будешь на меня пялиться.

Затѣмъ, полѣзъ въ карманъ за табакомъ, но табаку не нашелъ, сдвинулъ папаху на затылокъ и опять поднялъ курносый носъ, уставился на Никиту круглыми, свѣтло-голубыми, какъ у галки, глазами:

— Угости папиросой.

— У меня только шеколадъ съ собой, — сказалъ Никита, краснѣя отъ того, что изъ за шеколада вооруженный мальчикъ будетъ теперь презирать его всю жизнь. Мальчикъ, не презирая, съѣлъ шеколадную плитку съ необыкновенной быстротой.

— Знаешь, кто я такой? — спросилъ онъ,— вотъ то-то, что не знаешь, а суешься со мной разговаривать. Я Василій Тыркинъ, ударникъ, слыхалъ?

— Еще бы, — поспѣшно отвѣтилъ Никита.

— Дай мнѣ другую плитку, — приказалъ Василій Тыркинъ, — этотъ самый шеколадъ у насъ въ ударномъ батальонѣ мы ни почемъ не считали.

— Вы сейчасъ въ отпускъ ѣдете?

— Нашъ батальонъ погибъ геройской смертью въ Москвѣ,въ бою на Никитской площади,— запиши. Я одинъ ушелъ, — ну, ужъ зато — сколько я враговъ переколотилъ, — сосчитать нельзя. Гляди — шинель дырявая, сунь палецъ въ дыру, — это все пули, штыковые удары.

— Что же вы теперь хотите дѣлать?

— Тебя это не касается, что я стану дѣлать. Я планъ обдумываю. Какіе у насъ города на пути?

— Скоро Лозовая будетъ.

— Лозовая, такъ Лозовая... Вотъ надо собрать человѣкъ съ полъ сотни, да и занять ее съ боемъ. Хочешь ко мнѣ подъ начальство?

Мурашки зашевелились у Никиты на спинѣ подъ курткой. Но съ видимой бодростью онъ согласился идти подъ начало. Василій Тыркинъ обѣщался его не бить: «Нынѣ это отставлено, — буду къ тебѣ примѣнять нравственное воздѣйствіе». Но, покончивъ съ третьей плиткой, онъ раздумалъ брать Лозовую:

— Одна бѣда, — возни потомъ полонъ ротъ: республику надо объявлять, властей ставить на мѣста, а этого я страсть не люблю,—я человѣкъ военный.

У Никиты отлегло отъ сердца: не смотря на присутствіе духа, ему, все же, было страшновато брать съ боемъ городъ. Повертѣвшись нѣко-

торое время около опаснаго мальчика, онъ пробрался въ купэ къ отцу и сидѣлъ тихо. Но скоро послышался громъ и звонъ оружія, въ купэ вошелъ Василій Тыркинъ, сѣлъ рядомъ съ Никитой и спросилъ:

— А ты самъ то куда ѣдешь?

— Мы съ папой ѣдемъ на Кавказъ.

— Въ такомъ случаѣ, и я съ вами на Кавказъ поѣду, — мнѣ, все равно, дѣваться некуда. И вамъ спокойнѣе будетъ съ военнымъ человѣкомъ, и мнѣ спокойнѣе. Дай ка еще шеколаду. Я, признаться тебѣ, три дня ничего не ѣлъ. Это, значитъ, твой отецъ сидитъ? — очень славно. А у меня, братъ, ни отца ни матери, Царство имъ Небесное.

Съ этого дня Василій Тыркинъ, вмѣстѣ со своими бомбами, пулеметными лентами, шпорами и винтовкой, болѣе не отставалъ отъ Рощиныхъ, и къ Никитѣ относился, хотя и съ презрѣніемъ, но дружески, даже горячо.

На двѣнадцатыя сутки всѣ трое пріѣхали въ городъ Н., гдѣ Алексѣй Алексѣевичъ взялъ лошадей и отправился вмѣстѣ съ мальчиками въ горы, въ имѣнье одного изъ своихъ друзей, называвшееся «Кизилы».

СТРАШНОЕ МѢСТО.

Прошлымъ лѣтомъ мѣстные разбойники сожгли въ этомъ имѣньи домъ. Сторожъ, — единственный теперь обитатель «Кизиловъ», — старичекъ, вывезенный изъ Тульской губерніи, по фамиліи Заверткинъ, до того боялся этихъ разбойниковъ, что, когда на дорогѣ показывались какіе-нибудь всадники, онъ выходилъ изъ сакли, снималъ шапку и низко кланялся, говоря:

— Счастливый путь, красавцы. Дай, Господи, вамъ удачи, добрые люди.

Завидѣвъ подъѣзжающихъ Алексѣя Алексѣевича съ мальчиками, Заверткинъ точно такъ же вышелъ кланяться. Когда же изъ арбы вылѣзъ Василій Тыркинъ, старичекъ началъ креститься. Его успокоили, и онъ захлопоталъ, засуетился, устраивая пріѣзжихъ.

Въ низкой бѣлой саклѣ съ землянымъ поломъ и маленькими окошечками постланы были три тюфяка, набитые сухими листьями. Привезенную изъ города провизію помѣстили въ чуланѣ, при саклѣ. Въ очагѣ разожгли огонь, повѣсили чайникъ, на сковородкѣ поджарили колбасу, выпустили туда яица, и ужинъ на столѣ, устроен-

номъ изъ старой двери, былъ неописуемо вкусенъ и сладокъ. Василій Тыркинъ, наѣвшись, разоружился и даже снялъ шинель. Никита съ отцомъ вышли посидѣть на бревнѣ, за порогомъ сакли. Ночной воздухъ былъ мягокъ. Внизу сонно шумѣлъ потокъ. Никитѣ тоже хотѣлось спать, и онъ таращилъ глаза на большія звѣзды, переливающіяся чистымъ свѣтомъ надъ смутнымъ очертаніемъ горъ.

Заверткинъ, присѣвъ у бревна на пятки, посапывалъ пахучей трубочкой и разсказывалъ про свое житье-бытье въ «Кизилахъ»:

— Живому человѣку здѣсь жить невозможно, — говорилъ онъ деликатнымъ голосомъ,— сколько горя наберешься, слезъ однѣхъ прольешь,— и-и-и, батюшка, Алексѣй Алексѣевичъ. Первое дѣло — медвѣди, кровожадные, весь лѣсъ изломали, ничего не боятся, только и смотрятъ — кого задрать. Второе дѣло — шакалы... Слышите, какъ онъ заливается...

Никита прислушался, — въ тишинѣ, далеко въ лѣсу, тявкалъ кто-то, подвывалъ, начиналъ рыдать сдавленнымъ воплемъ. Никита поджалъ ноги и придвинулся къ отцу.

— Такъ онъ и заладитъ вѣчить, скулить на всю ночь, — продолжалъ Заверткинъ, — а что ему надо, о чемъ тоскуетъ? Видно, такъ Господь его сотворилъ уродомъ. Третье дѣло — змѣя, желтобрухъ, ужасная—длинная,—сколь-

ко я отъ нихъ бѣгалъ. У насъ въ Тульской губерніи змѣйка аккуратненькая,а этотъ, злодѣй,самъ изъ пещеры на барановъ кидается. Отвратительная здѣсь природа. Одно, — пчела хорошо водится и въ потокѣ рыбы,—хоть руками лови... И еще забота—разбойнички.Это вѣдь самое воровское мѣсто — Кавказъ. Пятнадцать лѣтъ здѣсь живу — не могу привыкнуть... Нѣтъ, это мѣсто страшное, здѣсь жить нельзя.

Звѣзды, на которыя смотрѣлъ Никита, становились все больше надъ горой, все пушистѣе, и, вдругъ, погасли. Чей-то родной голосъ проговорилъ надъ ухомъ: «Э, братецъ мой, да ты спишь». Чьи-то руки взяли и понесли, и положили на что-то удивительно мягкое, пахнущее листьями. Потомъ это мягкое провалилось...

... Потомъ, изъ камина вылѣзъ медвѣдь, сѣлъ за столъ, подперъ лапой щеку и сказалъ человѣческимъ голосомъ: «Нѣтъ, братецъ мой, это мѣсто страшное»...

ЯШКА.

Никита проснулся отъ голосовъ на дворѣ. Сакля была пуста. Въ раскрытой двери, гдѣ было синее, синее небо, стоялъ низкорослый козелъ съ бородой до земли и глядѣлъ на Никиту бѣлыми, стеклянными глазами. Когда Никита протянулъ къ нему руку и позвалъ: «Бяшка»,— козелъ бѣшено топнулъ копытцемъ. Никита бросилъ въ него подушкой, — козелъ исчезъ.

На дворѣ Василій Тыркинъ уже мастерилъ сачекъ изъ своей рубашки, которая только и годилась — для рыбной ловли. Заверткинъ кололъ чурки, растапливая помятый, но вычищенный самоварчикъ.

— Я ужъ какъ просилъ разбойниковъ, — говорилъ онъ Алексѣю Алексѣевичу, сидѣвшему на бревнѣ, — все берите, грабьте, благодѣтели, самоваръ мой не грабьте. Атаманъ мнѣ говоритъ: — счастье твое, старый чортъ, что на хорошихъ людей напалъ, революція не нуждается въ твоемъ самоварѣ, — и пхнулъ въ него ножкой. Вотъ, самоварчикъ съ тѣхъ поръ и течетъ.

Никита сѣлъ рядомъ съ отцомъ. Горы, казавшіяся вчера ночью далекими и огромными, были

совсѣмъ близко и не такъ высоки. Зеленая лужайка, недалеко отъ сакли, уходила внизъ, и тамъ, въ утреннемъ туманѣ, шумѣлъ, тише чѣмъ ночью, потокъ. На той сторонѣ его, еще неясныя, проступали изъ тумана деревья. А изъ-за угла сакли высовывалась рогатая голова козла, и онъ опять непонятно уставился на Никиту.

— Сказать трудно — сколько я отъ него горя хлебнулъ, — говорилъ Заверткинъ, — и билъ я его и въ лѣсъ водилъ, чтобы его тамъ звѣри задрали, — онъ все свое: только и заботушки кого ему забодать. Яшка, Яшка, поди сюда. — Козелъ подошелъ. — Видите, какъ онъ на мальчика смотритъ. Ему, значитъ, интересно — напугать, съ ногъ сбить. Когда у насъ разбойники-то были — онъ такъ на атамана накинулся, — тотъ отъ него по двору безъ памяти бѣгалъ.. Ну, пошелъ, пошелъ. — И Заверткинъ кинулъ въ козла чуркой.

Напившись чая, Алексѣй Алексѣевичъ ушелъ за двѣнадцать верстъ въ городъ, — «выяснить политическую обстановку» и, если попадется, — купить для нуждъ хозяйства мерина. Мальчики пошли ловить рыбу.

Потокъ прыгалъ и пѣнился глубоко въ узкомъ и туманномъ ущельѣ. Мальчики спустились къ нему по выступамъ скалъ, хватаясь за полусгнившія ліаны. Внизу было сыро, пахло гнилью, и грозно шумѣла сѣдая вода. Василій Тыркинъ

пробрался по мокрымъ, покрытымъ плѣсенью, камнямъ до середины потока и началъ заводить сачекъ. «Есть»! — вдругъ крикнулъ онъ, вытаскивая бьющуюся, голубую пеструшку. И сейчасъ-же за спиной Никиты кто-то отвѣтилъ: «Бе»! Никита обернулся. За его спиной стоялъ козелъ, и, едва только мальчикъ обернулся, Яшка ударилъ его въ спину рогами. Никита вытянулъ руки и полетѣлъ въ потокъ, — вода подхватила его, протащила по каменистому дну. Отплевываясь, онъ ухватился за камень, вылѣзъ и сейчасъ-же началъ искать булыжникъ,— запустить въ козла.

Но Яшка уже стоялъ на верху, на скалѣ, и, нагнувъ голову, глядѣлъ оттуда бѣлыми глазами на Никиту. Мальчики полѣзли за нимъ—ловить. Яшка исчезъ, точно его никогда и не было. И только вечеромъ Заверткинъ привелъ его изъ лѣсу, привязалъ за рога къ дереву и, стегая хворостиной, училъ:

— «Будешь бодаться,будешь бодаться, продова образина». Козелъ помалкивалъ.

ЗИМА.

Теплые дни стояли съ недѣлю, потомъ подулъ рѣзкій вѣтеръ, оголились, потемнѣли голые лѣса и мрачный шумъ ихъ заглушалъ ворчаніе потока. По вершинамъ горъ клубились сѣрыя облака, цѣплялись за лѣсистые склоны и, наконецъ, заволокли все небо. Выпала крупа. Потомъ, пошли дожди со снѣгомъ.

Весь день приходилось сидѣть въ саклѣ. Алексѣй Алексѣевичъ часто уѣзжалъ на купленномъ за «бѣшеныя» деньги меринѣ Пузанкѣ въ городъ на засѣданія «Комитета возстановленія государственнаго порядка». Никита, чтобы не отбиваться отъ чтенія, и за неимѣніемъ иныхъ книгъ, читалъ «Молоховца», поваренную книжку, и на ней-же рѣшалъ ариѳметическія задачи. Василій Тыркинъ вырѣзывалъ деревянныя ложки, — этому его научили въ ударномъ батальонѣ.

Ложились спать рано. Вставали съ восходомъ солнца. Въ саклѣ было хорошо, покуда горѣлъ очагъ, завелись даже сверчки и мыши, но за ночь сильно выдувало.

Однажды, на разсвѣтѣ, Никита проснулся отъ холода. На столѣ горѣла свѣча, воткнутая въ бу-

тылку. Отецъ, уже одѣтый, сидѣлъ на корточкахъ передъ очагомъ и дулъ подъ охапку хвороста въ угли. Никитѣ стало очень жалко отца, сидящаго на корточкахъ, и онъ сказалъ:

— Папочка, холодно, — правда?

— А вотъ я сейчасъ огонь раздую, — отвѣтилъ отецъ негромко, взялъ свѣчу и вышелъ въ сѣнцы, и оттуда уже громко проговорилъ:

— Никита, снѣгу-то сколько выпало за ночь!

Никита накинулъ пальто и выбѣжалъ въ сѣнцы. Въ раскрытую дверь была видна поляна, покрытая бѣлымъ, чуть голубоватымъ снѣгомъ. Пахло зимнимъ, чистымъ холодкомъ. За горами въ мутномъ небѣ проступали красныя полосы зари. Отецъ обнялъ Никиту за плечи и сказалъ страннымъ голосомъ:

— А что теперь у насъ въ Москвѣ-то дѣлается, а?

Снѣгъ этотъ держался долго, хотя дни стояли мягкіе съ задернутымъ мглою солнцемъ. Василій Тыркинъ еще до разсвѣта теперь началъ уходить въ лѣсъ, пропадалъ тамъ цѣлыми днями. «Время, парень, строгое, — говорилъ онъ Никитѣ, — самое теперь время краснаго звѣря бить». Иногда онъ бралъ съ собою и Никиту.

Однажды, мальчики забрели далеко въ горы и обходили оврагъ, гдѣ по расчетамъ долженъ былъ лежать медвѣдь. Никита шелъ съ опаской, осторожно раздвигая сучья, ронявшіе снѣгъ.Ва-

синій Тыркинъ посвистывалъ, иногда, саженяхъ въ ста по той сторонѣ оврага.

Вдругъ, неподалеку, послышался хрустъ дерева. Никита остановился, — ясно было слышно, какъ кто-то ломаетъ сухія вѣтки. У него стало пусто въ колѣнкахъ. — «Ну, нѣтъ, не струшу», — повторилъ онъ нѣсколько разъ, и ползкомъ началъ спускаться въ оврагъ.

На склонѣ оказались слѣды, точно кто-то хотѣлъ подняться и съѣхалъ, — изъ подъ снѣга зеленѣла мерзлая трава. Никита поднялся, чтобы обогнуть кусты, и сейчасъ-же увидѣлъ трехъ людей, сидѣвшихъ съ поджатыми ногами на снѣгу вокругъ кучи хвороста, приготовленнаго для костра. Всѣ трое были въ папахахъ и буркахъ, усатые и черные, и мрачно глядѣли на хворостъ.

Но вотъ, ближайшій началъ медленно поворачивать голову, и впился въ Никиту круглыми, темными глазами... вскочилъ на ноги и выхватилъ изъ подъ бурки кинжалъ. Товарищи его тоже поднялись, вынули кинжалы. Затѣмъ, первый подошелъ къ Никитѣ, взялъ его, какъ филинъ, жесткими пальцами за руку и дернулъ внизъ, поставилъ около костра.

— Ты кто такой? Ты зачѣмъ здѣсь? — спросилъ онъ свирѣпо. Его товарищъ схватилъ Никиту за подбородокъ и сказалъ: «Ва»! Другой щелкнулъ, очень больно, Никиту въ носъ и сказалъ: «Ха, ха»!

— Пожалуйста, не щелкайте меня по носу,— проговорилъ Никита, неожиданно, шопотомъ, и сейчасъ-же, чтобы не показать, — будто онъ трусить, онъ выдернулъ руку и толкнулъ въ животъ того, кто сказалъ «ха-ха». Человѣкъ этотъ подскочилъ, ударилъ въ ладоши и сѣлъ на корточки, — мѣдная рожа его была осклаблена, выпученные глаза — желтые, какъ отъ табаку.

— Не смѣйте меня трогать, а то мы съ вами расправимся, — насупившись, пробурчалъ Никита. Тогда первый опять взялъ его за руку и прохрипѣлъ:

— Спички у тебя есть?

Никита подалъ ему коробочку со спичками. Всѣ трое закричали: «Га! ва! ха-ха»! и подожгли костеръ, — повалилъ бѣлый дымъ, затрещали сучья. Никита сказалъ, что ему-бы нужно теперь идти. Ему на это отвѣтили:

— Мы тебѣ руки свяжемъ, уведемъ въ горы. Намъ за тебя денегъ дадутъ.

— Вы разбойники? — спросилъ Никита, кусая ноготь.

— Кто, мы? Конечно — разбойники. Мы дома жжемъ, людей рѣжемъ, деньги себѣ беремъ. Мы джигиты.

Разбойники опять вынули кинжалы, и каждый началъ рѣзать на мелкіе кусочки мерзлую баранину, лежавшую тутъ-же на снѣгу, насаживать кусочки на хворостинку.

— Бахъ! — вдругъ раскатился по лѣсу выстрѣлъ. Разбойники, какъ на пружинахъ, вскочили, оглядываясь, ощерясь. — Бахъ! Бахъ! Бахъ! — одинъ за другимъ хлестнули и гулко покатились по лѣсу три выстрѣла. Никита увидѣлъ шагахъ въ пятидесяти Василія Тыркина, стрѣлявшаго съ колѣна по разбойникамъ. Никита сейчасъ-же бросился въ гору и легъ. — Бахъ! Бахъ!

Затѣмъ, все затихло. Только очень далеко трещали сучья, — улепетывали разбойники. И скоро послышался тревожный голосъ Василія Тыркина:

— Никита? а Никита? Куда ты провалился?

— Здѣсь я, — отвѣтилъ Никита, размазывая ладонью вдругъ полившіяся слезы.

ТАЙНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНІЕ.

Въ февралѣ опять подулъ вѣтеръ, хлынули дожди, вздулся и сердито заревѣлъ потокъ, и уже по весеннему зашумѣли влажные лѣса.

А когда выглянуло солнце, на конькѣ сакли свистнулъ протяжно скворецъ и, задирая къ солнцу черную головку, залился на разные, чудесные голоса. Заверткинъ вынесъ было изъ погреба колоды съ пчелами. Но радость весны прервалась неожиданнымъ событіемъ.

Однажды, ночью, всѣ проснулись отъ далекаго грохота, похожаго на громъ. Это стрѣляли пушки. Василій Тыркинъ нацѣпилъ гранаты подъ шинель и, озабоченно пошмыгивая, ушелъ на развѣдку. Отецъ то выходилъ изъ сакли и слушалъ раскаты канонады, то присаживался къ столу и хрустѣлъ пальцами. Заверткинъ взялъ самоваръ и унесъ его въ лѣсъ «отъ грѣха подальше». Никита сидѣлъ на тюфякѣ, — у него ослабѣли ноги и было тоскливо.

Въ концѣ дня пушки стали затихать, и опять нѣжнымъ голосомъ запѣлъ скворецъ на саклѣ. Къ вечеру явился Василій Тыркинъ съ испара-

панной щекой и безъ гранатъ, — бросилъ картузъ объ землю и сказалъ:

— Наши всѣ пропали.

Алексѣй Алексѣевичъ опустился къ столу и закрылъ лицо руками. Потомъ онъ подозвалъ Никиту, поставилъ его между колѣнъ и, глядя серьезно въ лицо ему, сказалъ:

— Намъ нужно бѣжать, Никитушка.

— Куда?

- Не знаю. Подумаю.

Онъ подошелъ къ двери, долго глядѣлъ на горы, потомъ махнулъ рукой:

— Вотъ, намъ ужъ и нѣтъ больше мѣста на родинѣ.

Весь этотъ вечеръ отецъ и Василій Тыркинъ совѣщались и, не переставая, курили табакъ. Было рѣшено пробраться въ Гагры, — на Пузанка навьючить багажъ, самимъ-же идти пѣшкомъ. Отъѣздъ назначили на послѣзавтра. Рано утромъ отецъ, бросавшій въ огонь очага какія-то письма и бумаги, сказалъ Никитѣ:

— Поди, пожалуйста, въ лѣсъ и нарѣжь побольше хворостинъ, намъ нужно сплести корзины для вьюка.

На дворѣ Василій Тыркинъ, мастерившій вьюки, крикнулъ Никитѣ:

— Ты не лѣнись, добѣги до оврага, гдѣ мы разбойниковъ стрѣляли, — тамъ хворостины хороши.

Утро было теплое. Нѣжно зеленѣли деревья, на иныхъ набухшія почки были точно помазаны смолой. Трещали, летали между вѣтвей сивоворонки. Въ лѣсу, насыщенномъ запахомъ весенняго сока, было весело отъ свиста птицъ и бѣгающихъ пятенъ солнца. Нельзя было понять — почему на родинѣ нѣтъ больше мѣста — жить.

Въ знакомомъ оврагѣ, заросшемъ орѣшникомъ, Никита услышалъ такой трескъ и сопѣніе, что сейчасъ-же счелъ за нужное влѣзть на дерево. Было похоже, будто по кустамъ изо всей силы таскаютъ какую-то тушу, — кустарникъ такъ и валился во всѣ стороны. И, наконецъ, Никита увидѣлъ животное, ростомъ съ человѣка, покрытое драной, бурой, въ клочкахъ, шерстью. Оно ѣхало на заду, забирая подъ себя что попало передними лапами, терлось и валялось и недовольно поревывало, мотая широколобой мордой, разѣвало маленькій, свинячій ротъ. Это былъ только что поднявшійся изъ берлоги медвѣдь, — онъ линялъ и выкидывалъ пробку.

Никита свистнулъ. Медвѣдь ахнулъ по-человѣчьи и тотчасъ косматымъ шаромъ выкатился изъ орѣшника и затопоталъ, затрещалъ по лѣсу.

Никита спрыгнулъ на землю и сталъ рѣзать орѣшины, драть съ нихъ легко сходящую сладкую кору. Къ полудню онъ нарѣзалъ большую вязанку, взвалилъ на спину и понесъ домой.

Идти было жарко. Ломило плечи. Нѣсколько

разъ Никита присаживался, и видѣлъ дятла, который, со страха поднявъ красный гребешокъ, пестренькимъ платочкомъ пролетѣлъ сквозь листву, видѣлъ, какъ муравьи тащили сосновыя иглы и дохлыхъ мухъ къ себѣ — въ муравейникъ, запустилъ шишкой въ бѣлочку, прильнувшую на растопыренныхъ ножкахъ къ стволу дерева, спугнулъ изъ кустовъ огненнаго фазана, и, наконецъ, приплелся домой.

Еще подходя, онъ замѣтилъ неладное, — у порога валялся разодранный тюфякъ. Никита вбѣжалъ въ саклю, — тамъ все было перевернуто, на полу разбросаны книги, бѣлье, листья изъ распоротыхъ тюфяковъ. Никита сталъ звать отца. Но никто не отвѣтилъ. Не было ни отца, ни Василія Тюркина, ни Заверткина, пропалъ даже Яшка - козелъ.

ПОИСКИ.

Никита обѣжалъ весь дворъ, заглядывалъ повсюду, спустился къ потоку, кричалъ, свисталъ, и въ сумерки вернулся къ опустѣвшей саклѣ, сѣлъ у порога на бревно, подперся, и сидѣлъ неподвижно, покуда надъ очертаніемъ горъ не проступили большія звѣзды, дрожащія отъ влажности и чистоты.

Никита вспомнилъ, какъ въ день пріѣзда отецъ говорилъ ему, указывая на эти звѣзды: «Въ древности люди думали, что у каждаго человѣка есть своя звѣзда. Теперь не вѣрятъ этому. Но, если хочешь, я могу тебѣ подарить вонъ ту, которая переливается».

Какъ и тогда, звѣзды начали расплываться. Никита подышалъ носомъ, покусалъ губы и сдержался: плакать было нельзя. Надъ лужайкой беззвучно летали двѣ мыши, ясно различимыя въ звѣздномъ небѣ. Трещала деревяннымъ язычкомъ древестница. Отъ тихаго дуновенія шелестѣли листья на тополѣ.

Вдругъ, изъ подъ склона лужайки, изъ темноты, поднялась голова съ рогами, выросла, приблизилась, потомъ поднялась вторая голова, выроc-

ла и приблизилась, — это были Яшка и Заверткинъ. Никита кинулся къ старику, спрашивая, гдѣ отецъ? Заверткинъ, державшій въ рукахъ самоваръ, поставилъ его на землю и рукавомъ вытеръ глаза:

— Увели отца, и Ваську увели.

И онъ разсказалъ, какъ изъ города приходило двѣнадцать человѣкъ съ пулеметомъ, и эти люди схватили Алексѣя Алексѣевича и Василія Тыркина, хотѣли было тутъ-же ихъ и разстрѣлять, но они отругались, — крикъ и ругань была великая... Тюфяки распороли, вещи всѣ покидали, побили, — искали писемъ какихъ-то и денегъ.

Никита хотѣлъ сейчасъ же бѣжать въ городъ, искать отца, но Заверткинъ уговорилъ его не ходить ночью; поставилъ самоварчикъ, положилъ въ него пучечки сухой травы и напоилъ Никиту горьковатымъ и пахучимъ настоемъ шалфея. Никита уснулъ, не раздѣваясь. На разсвѣтѣ Заверткинъ разбудилъ его, сунулъ въ карманъ луковицу и ломоть хлѣба и вывелъ на городскую дорогу.

Никита довольно долго бѣжалъ по узкому шоссе, вьющемуся съ холма на холмъ бѣлой полоской. Изъ-за горъ поднялось блѣдное солнце, и внизу, въ котловинѣ, въ туманной мглѣ и дыму догоравшаго пожарища, Никита увидѣлъ вылинявшія кровли города.

Оттуда по шоссе шли двѣ рослыя бабы, тяжело ступая подъ тяжестью узловъ. Одна, рябая, съ усмѣшкой оглянула Никиту, остановилась и спросила:

— Куда, барчукъ, идешь?

— Въ городъ.

— Не ходи, милый, зарѣжутъ.

И бабы пошли дальше, смѣясь о чемъ-то. Никита со злобой глядѣлъ имъ вслѣдъ: — Хотѣли напугать!... Зарѣжутъ, такъ зарѣжутъ!...

И онъ еще быстрѣе побѣжалъ по пыльной дорогѣ къ городу. На встрѣчу попадались бабы и мужики съ узлами и вещами. У одного на головѣ была надѣта граммофонная труба.

Наконецъ, сбоку дороги Никита увидѣлъ остатки пожарища,—обугленные столбы и дымящіяся кучи мусора. Дальше—шоссе было изрыто взрывами снарядовъ; заборы—повалены и разбиты; на телеграфныхъ столбахъ—обрывки проволокъ; мостовая усыпана битыми стеклами; посреди улицы лежала убитая лошадь съ задранной ногой. Наконецъ, стали попадаться солдаты, въ разстегнутыхъ шинеляхъ, съ заломленными картузами, съ винтовками, перекинутыми дуломъ внизъ черезъ плечо. Съ трескомъ, въ облакѣ пыли, промчался мотоциклетъ, отъ котораго въ стороны отскакивали пѣшеходы. На площади, на перекладинѣ трамвайнаго столба, высоко надъ землей покручивался какой-то человѣкъ въ бѣльѣ.

Никита свернулъ въ улицу, полную народа. Скуластый солдатъ штыкомъ преградилъ ему дорогу:

— Назадъ, проходу нѣтъ!

— Я ищу отца, — сказалъ Никита.

— Назадъ, тебѣ говорю! — Скуластый замахнулся прикладомъ. Никита попятился, и въ это время другой солдатъ, пахнущій хлѣбомъ и овчиной, положилъ руку сзади ему на шею:

— Кого ищешь, парень?

Никита, задыхаясь, разсказалъ ему о пропажѣ отца. Солдатъ, пахнущій хлѣбомъ и овчиной, проговорилъ:

— Ахъ ты, тараканъ запечный, плохо твое дѣло... Ну, иди за мной, я ужъ тебѣ, такъ и быть, покажу, гдѣ твой батька сидитъ...

Онъ привелъ Никиту къ низкому каменному дому, гдѣ у крыльца стояли два пулемета и расхаживали солдаты съ винтовками — дуломъ внизъ. Никита хотѣлъ было войти въ домъ, но его отогнали.Солдатъ,пахнущій хлѣбомъ и овчиной, затерялся. Никита сталъ смотрѣть въ окна, но на нихъ висѣли шторы.Время отъ времени къ крыльцу подкатывали мотоциклетки, съ нихъ слѣзали молодые люди въ кожаныхъ курткахъ и, дребезжа по ступенькамъ шпорами, вбѣгали въ домъ. Затѣмъ,провели нѣсколько арестованныхъ человѣкъ, блѣдныхъ, полураздѣтыхъ и безъ ша-

покъ, — и за ними захлопнулась дверь низкаго дома съ занавѣшенными окнами.

У Никиты кружилась голова отъ голода и усталости, но онъ упрямо стоялъ и ждалъ. Вдругъ за его спиной кто-то проговорилъ шопотомъ:

— Не оборачивайся, иди за мной...

И сейчасъ же мимо прошелъ Василій Тыркинъ въ заломленномъ картузѣ, — руки въ карманы, — свернулъ въ переулокъ, и тамъ только обернулся:

— Никита, отца надо выручать.

— Папа живъ?

— До утра будетъ живъ.

И Василій Тыркинъ разсказалъ, какъ ихъ арестовали, привезли на дворъ низкаго дома, гдѣ было уже человѣкъ двѣсти арестованныхъ, какъ люди, которые привезли ихъ, — ушли, и онъ тогда выпустилъ изъ подъ козырька вихоръ и началъ «ловчиться» поближе къ воротамъ. Потомъ видитъ — около отхожаго мѣста стоитъ винтовка, онъ ее взялъ, потолкался еще немного по двору, для вида, и, посвистывая, вышелъ прямо черезъ ворота на улицу.

— У нихъ тамъ такая бестолочь, — что хочешь дѣлай... Слушай, вотъ я что придумалъ...

ПОБѢГЪ.

Никита и Василій Тыркинъ пошли на край города, гдѣ вчера былъ рукопашный бой. Домишки здѣсь стояли съ выбитыми стеклами, въ дыркахъ отъ пуль, съ отскочившей штукатуркой. На тротуарахъ виднѣлись темныя пятна. Убитые были уже убраны, но по дворамъ еще много валялось винтовокъ, картузовъ и патронныхъ сумокъ.

Василій Тыркинъ подыскалъ Никитѣ простреленный картузъ по головѣ, сумку и ружье. Свою винтовку, взятую давеча на дворѣ, онъ перемѣнилъ на кавалерійскій карабинъ. Затѣмъ, мальчики начали обходить разграбленные дома, покуда въ одномъ не нашли то, что имъ было нужно: въ углу на божницѣ — пузырекъ съ чернилами и перо.

Василій Тыркинъ велѣлъ Никитѣ пристроиться писать на подоконникѣ, вынулъ изъ-за обшлага бланкъ «Удѣльнаго Вѣдомства Винодѣлія», найденный имъ среди мусора, и сказалъ:

— Пиши: Россійская Федеративная Республика...

— А тутъ напечатано — «Винодѣліе», его зачеркнуть? — спросилъ Никита.

— Нѣтъ, не зачеркивай, они съ винодѣліемъ хуже спутаются. Пиши: «Спѣшно, совершенно секретно. Во исполненіе приказа товарища Главкомбродъ...

— Это что же значитъ?

— А чортъ его знаетъ... Пиши непонятнѣе: «Приказано — главнаго агента гидры контръреволюціи, кроваваго буржуя, Алексѣя Рощина, перевести въ городскую тюрьму. При попыткѣ къ бѣгству разстрѣлять на мѣстѣ. Порученіе исполнить товарищамъ Василію Тыркину и... какъ тебя прописать?

— Какъ-нибудь пострашнѣе.

— Пиши: «И знаменитому товарищу, грозѣ міровой буржуазіи, Никитѣ Выпусти-Кишки»...

Когда замѣчательная эта бумага была написана, мальчики пошли на базаръ, купили молока и вяленой рыбы и поѣли. Никиту пригрѣло солнце, онъ легъ ничкомъ на чахлой травкѣ, растущей вокругъ собора, и сквозь сонъ слышалъ то людскіе голоса, то грохотъ колесъ, то острый свистъ стрижей, летающихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, надъ куполомъ колокольни.

Въ сумерки Василій Тыркинъ растолкалъ Ни-

киту, мальчики зарядили винтовки и пошли къ низкому дому. Переходя площадь, они встрѣтили рослаго парня-солдата, — хмуро опустивъ голову, онъ брелъ, загребалъ пыль огромными сапожищами. Василій Тыркинъ окликнулъ его:

— Какого полка?

— Интернаціональнаго, — лѣнивымъ языкомъ едва выговорилъ парень.

— Иди за нами.

— Это почему я долженъ за вами идти?

— Молчать, товарищъ! — крикнулъ Василій Тыркинъ, задирая къ нему носъ, — читай приказъ, — и онъ сунулъ въ лицо ему бумагой. Парень поглядѣлъ, поправилъ винтовку на плечѣ и сказалъ уже смирно:

— Ладно, идемте, товарищи.

Къ воротамъ низкаго дома едва можно было протолкаться: люди всякаго сброда орали, требовали выдачи какихъ-то носковъ и табаку,грозились устроить «вахрамееву ночь» въ городѣ, съ руганью лѣзли на крыльцо и шарахались въ темноту. Трещали, какъ бѣшеныя, мотоциклетки. Два прожектора ползали пыльными лучами по темнымъ окнамъ домовъ на площади, выхватывали изъ мрака отдѣльныя, бѣгущія фигуры.

Василій Тыркинъ пробился къ воротамъ, гдѣ стоялъ часовой, — усатый человѣкъ въ широкополой, очевидно дамской, шляпѣ, и сказалъ ему сурово:

— Отворяй ворота.

— По чьему приказу?

— Вѣдомства Винодѣлія, Россійская Федеративная Республика. Спѣшно, совершенно секретно... Читай.

Мрачный человѣкъ въ дамской шляпѣ посмотрѣлъ въ бумагу, поводилъ по ней усами и, все еще нехотя, отворилъ калитку въ воротахъ. Василій Тыркинъ, Никита и парень — ихъ спутникъ — вошли во дворъ.

— Эй, гдѣ дневальный? — закричалъ Василій Тыркинъ, — что за порядки!

— Здѣсь, — откликнулся изъ темноты бодрый голосъ.

— Выдать по ордеру Алексѣя Рощина, буржуя... Живо, товарищъ, не теряйте революціоннаго времени.

— Рощинъ... Алексѣй Рощинъ, — пошли голоса въ глубинѣ темнаго двора.

Никита, вглядываясь, различалъ сидящія на землѣ унылыя фигуры. Вдругъ, точно иглой прокололо ему сердце, — отъ стѣны медленно отдѣлилися и подходилъ отецъ, въ накинутомъ на плечи пальто. Голова его была забинтована тряпкой.

— Я здѣсь, — проговорилъ онъ тихо и глухо, — разстрѣливать за мной пришли?

— Молчать, кровавая гидра! — закричалъ Василій Тыркинъ, замахиваясь на него прикла-

домъ. Алексѣй Алексѣевичъ вздрогнулъ, всмотрѣлся и прикрылъ низъ лица воротникомъ.

— Ведите, — отрывисто сказалъ онъ.

Василій Тыркинъ и лѣнивый парень поволокли его подъ руки къ воротамъ, но здѣсь вышла заминка: часовой въ дамской шляпѣ, пріотворивъ послѣ сильнаго стука калитку, сказалъ, что сейчасъ было распоряженіе — никого со двора не выпускать. Василій Тыркинъ опять показалъ бумагу, часовой замоталъ усами, — не могу. Къ спорящимъ придвинулись оборванцы изъ толпы, раздались голоса:

— Какіе это порядки, — мы ловимъ, а они уводятъ... Кто имъ далъ разрѣшеніе?... Покажи пропускъ.. Комиссара надо позвать... Товарищъ, бѣги за комиссаромъ...

Во время этой толкотни Никита отыскалъ страшно задрожавшую, холодную, какъ ледъ, руку отца и прижался къ ней губами. Василій Тыркинъ пытался, перекрикивая голоса, читать бумагу, но чья-то рука вырвала ее. Тогда онъ, ощетинясь отъ злости, сорвалъ съ плеча карабинъ прикладомъ ударилъ усатаго человѣка по дамской шляпѣ и выскочилъ за ворота. Лѣнивый парень толкнулъ туда же Алексѣя Алексѣевича и закричалъ, вдругъ, изступленнымъ голосомъ:

— Разступись, убью!..

Толпа подалась, нѣсколько человѣкъ шарахнулось съ дороги. Зазвякали ружейные затворы.

Но Никита и Алексѣй Алексѣевичъ, держась за руки, уже далеко бѣжали по темной площади. Позади ударили выстрѣлы.

Отецъ сильнѣе сжалъ руку Никиты. Вдругъ, впереди бѣгущихъ, вывернулся Василій Тыркинъ, крикнулъ: «Налѣво, въ переулокъ, къ рѣчкѣ!»— Повернулся, припалъ на колѣно и выпустилъ въ преслѣдующихъ всю пачку.

МЕЖДУ НЕБОМЪ и ЗЕМЛЕЙ.

Заслоняя огромною тѣнью звѣзды, высоко надъ палубой, на реѣ, висѣла распяленная туша быка. Большая Медвѣдица, зажженная Господомъ Богомъ нарочно для дѣтей, опрокинулась золотымъ ковшикомъ надъ чернымъ и выпуклымъ моремъ. Темный дымъ изъ пароходной трубы отходилъ въ сторону и далеко былъ виденъ на звѣздномъ небѣ. Высокія мачты, перекладины рей и туша быка были неподвижны, звѣздное же небо едва покачивалось.

Никита лежалъ на открытой палубѣ. Рядомъ съ нимъ похрапывалъ отецъ, завернувшись въ одѣяло, по другую сторону спалъ Василій Тыркинъ. На сверткѣ канатовъ сидѣлъ, мучаясь безсонницей, босой старичекъ, бывшій очень важнымъ когда-то человѣкомъ. По всей палубѣ,пропахшей вареными бобами и саломъ, лежало множество спящихъ тѣлъ. Вотъ, кто-то приподнялся, оглядываясь дико, и опять съ соннымъ рычаніемъ повалился на подстилку. Наверху, между лодокъ, желтѣлъ свѣтъ сквозь жалюзи капитанской каюты. Въ ней открылась дверь, вышелъ коренастый человѣкъ въ бѣломъ — капитанъ, и

стоялъ неподвижно, глядя на усыпанное звѣздами небо, на Млечный Путь. Эти звѣзды и Млечный Путь были наверху и внизу, въ черной безднѣ. Огромный пароходъ, полный спящихъ, бездомныхъ людей, казалось, летѣлъ въ звѣздномъ пространствѣ.

Босой старичекъ, сидѣвшій неподвижно на канатахъ, пошевелился, поднялъ голову отъ колѣнъ и проговорилъ громко, но, очевидно, самъ для себя:

— Глаза бы мои тебя не видали...

И сейчасъ же за его спиной поднялась голова въ очкахъ, безъ усовъ, съ остроконечной бородкой. Поднялась осторожно и стала слушать. Это былъ сыщикъ, агентъ контръ-развѣдки.

— Ахъ, Африка, Африка, — проговорилъ старичекъ.

Никита понялъ, что старичку ужасно трудно, — не по годамъ, — ѣхать босикомъ въ Африку, куда вотъ уже седьмыя сутки шелъ пароходъ. Никита положилъ руки подъ голову и сталъ думать объ Африкѣ:

О крокодилахъ, которые хватаютъ дѣтей за ноги,

О львахъ, стоящихъ цѣлыми часами неподвижно за бугромъ песка, поднявъ хвостъ,

О страусахъ съ перьями отъ шляпъ на хвостѣ, до того прожорливыхъ, что имъ можно дать проглотить ручную гранату,

О мухахъ Це-Це,

О голыхъ, раскрашенныхъ дикаряхъ, плывущихъ, размахивая копьями, въ остроносой пирогѣ по свѣтлой и дивной рѣкѣ...

... Рѣка эта понемногу покрывалась туманомъ, поднималась къ небу и разлилась среди звѣздъ въ Млечный Путь.

Покойной ночи, Никита.

PRIX : 4 FR.